

УДК 111.125:159.923.2

**ДРУГОЙ В ОБЛАЧНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА**

Уханов Е.В.

В статье акцентировано внимание на трансформирующемся семантическом представлении Другого сквозь призму виртуализации социальной реальности и преобладающей тенденции облачных трансформаций сетевых коммуникаций. Проводятся параллели между произведением Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и тематизацией взаимоотношений Я-Другой в виртуальной реальности.

Ключевые слова: *облако, идентичность, виртуальная реальность, сетевые коммуникации*

Экспансия технологичности, прозорливо предчувствуемая М. Хайдеггером в образе по-става, в «текучей современности», каковой ее охарактеризовал З. Бауман, заявляет о себе смело, если не сказать «кричаще». Доступность технических средств предлагает себя с настойчивостью в разных точках пространства и времени, закрепляя свой результат постоянным технологическим совершенствованием. Тенденция к мобильности устройств (телефоны, смартфоны, планшеты (Table PC), нетбуки, ноутбуки, GPS-устройства и пр.) с тенденцией к удешевлению (а значит доступности), уменьшению габарита и веса («всегда с тобой в дороге»), в немалой степени взаимно провоцируема развитием коммуникативных технологий (3G, 4G, Wi-Fi, WiMax, услуги спутников связи). Что не в малой степени активизировало потребительские нотки субъективного проявления индивида на фоне вытеснения бес-СМЫСЛЕННОСТИ жизни [12]. Интеграция во времени и пространстве. Быть в «состоянии on-line», вне зависимости от местоположения – тенденция которая смело проступает сквозь общий технологический прогресс, порой в прямом смысле погружая в ситуацию «Internet» – межсетевом пространстве, где уже стирается грань не только между реальной и виртуальной субъективностью (субъектом), но и виртуальными и реальными объектами. Собирательным концептом в такой ситуации для нас выступает «облачная реальность» [8].

Целью и задачей исследования является акцентирование внимания на трансформации индивида в коммуникативных практиках Другого в облачной реальности. Актуальность темы обусловлена процессами интенсивного становления и развития облачных технологий, стремительным внедрением их не только в сетевых коммуникациях, но и в обыденной реальности, что позволяет нам

выдвинуть гипотезу того, что становление «облачной реальности» в полной мере соответствует своему семантическому наполнению – интеграции сетевых коммуникаций и объективно данного, наличного мира; виртуальной реальности и обыденной реальности (то, что принято называть повседневностью, голый-жизнью [1], вот-бытием [11]).

В завихрениях, образующихся по-ставом, пристальное внимание к себе привлекает субъект действия. Каким способом в ситуации «внезапности» проявляет событие «просвета бытия» в «протяжение пространства-времени»: «Во вместительной уместности бытия, в протяжении времени являет себя вверение, вручение, а именно бытия как присутствия и времени как области открытого простора – их собственному существу, в котором они сбываются. То, чем определяются оба, время и бытие, в их собственное существо, т. е. в их взаимопринадлежности, мы называем: событие» [11, с. 402]?

Видим продуктивным в данном случае сместить акцент с субъекта на индивида, как более удачную «концептуальную модель». Наше внимание привлекло произведение Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», столь далекое от «текущей современности» и, тем не менее, столь близкое к «облачной реальности». Позволим себе детальнее обратиться к семантическим параллелям.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это социальная значимость произведения. Поспешное определение «подростковый бунт», утаивает множество иных не менее актуальных смыслов. Именно на этом первоначально акцентируется наше внимание. Специально отметим, что речь не идет о «бунтующем человеке» с экзистенциальными просветами в этом понимании. Но (в контексте заявленной темы) – о редуцировании бунта в бессознательно множасьую идентичность в сетевых коммуникациях, своевольно позиционирующую себя. Акцентированное внимание в данном случае – аллюзия на транспозицию индивидуальности в контексте облачной реальности.

Произведение Дж. Сэлинджера стилизовано под повествование от первого лица юноши шестнадцати лет. С соответствующим лексиконом, фразеологизмами, и что самое интересное – мировоззрением, этическими ценностями. Можно сказать, что это обобщенный персонаж «многих среди многих». Выжимка, квинтэссенция. Почему? Да хотя бы потому, что «не многие», каким бы характером они не обладали, пожалуй, не подпадают под стереотипизацию, под символ определённого времени (эпохи в микромасштабах). Как в этом контексте не вспомнить Хосе Ортеги-и-Гассета: «Масса давит все непохожее, особое, личностное, избранное. Кто выглядит не так, "как все", кто думает не так, "как все", тот подвергается риску стать изгоем» [5].

Рассуждения главного героя достаточно банальные, временами примитивные (вне всякого сомнения, этим приемом автор буквально мастерски передает дух персонажа, в полной мере давая осознать за простоватостью героя – вдумчивого, но не определившегося в жизни человека), и в небольшой степени этически незрелые. В аспекте облачной современности, персонаж Колфилда прорывает как рупор сетевой флуктуирующей идентичности, которая в полный голос отвечает вызову бессмысленного времени [12]. В этом контексте наше внимание привлекает Ф.М. Достоевский с «Преступлением и наказанием» как контрапункт – да, это не Раскольников. Раскольников – «единичный среди большинства», его путь – восстать

над собой через путь самоистязаний. Этика как поступок, которая прослеживается в суждениях Раскольникова, как путеводная нить от преступления к покаянию (а полное покаяние – понести все бремя наказания) – это достаточно непростой и, самое печальное, не гарантированный путь, которым пошел Раскольников. Вместе с тем такого рода этического пути в главном герое «Над пропастью во ржи» мы не найдем. Под микроскопом субъективно можно заметить, что экзистенциального бунта в главном герое нет (о чем заранее было объявлено выше). Существование, взывающее к конечности своего бытия, – подобные суждения для «героя нашего времени» не актуальны, но куда симпатичнее – «ломака» [6], и «позерничество», «неискренность» и пр. Сопоставление столь разных по своей сущности персонажей – Колфилда и Раскольникова – выбрано не случайно. Для нас это отражение нескольких, порой кричащих, путей коммуникации Я и Другой в контексте облачных технологий, где на месте Другого часто восседает «Нарцисс как Другой» (То-же-Самое) [7]. В этом смысле Раскольников является путником по дороге «к Другому». В контексте облачной реальности Раскольников выступает в образе индивида, отказавшегося от бесконечно множасьего мозаичного Я в сетевых коммуникациях, в пользу удостоверенного Я здесь-и-сейчас голой жизни. Стоит в этом смысле отметить анализ Дж. Агамбена касательно современности как перманентного пребывания в чрезвычайном положении, когда голая жизнь снимается в нескончающейся чрезвычайной ситуации – реальности чрезвычайно исключающей себя из голой жизни в виртуальность, вместе с тем концентрируя весь свой потенциал присутствия (Dasein Хайдеггера) в облачной реальности.

Однако с Колфилдом не все так очевидно, как может показаться на первый взгляд. За «своим в доску пацаном» скрывается человек, который, как «ёжик в тумане», стоит на распутье и не знает куда идти – перед лицом социальной обезличенности индивида в целом, которое он хирургически точно считывает в том, насколько люди не естественны в социальных связях и коммуникативных актах. Насколько глубока пропасть неискренности между тем, кем они есть и кем «показывают» себя! Чем не образ индивида в современных сетевых коммуникациях, индетерминированный в социальных сетях Facebook, Kontakte и т.п., где грань между репрезентацией и актуализацией индивида размывается в «облачную» идентичность, текучую в своих «формах», флуктуирующую, мозаичную, но интегрируемую в облачной реальности. Однако у Сэлинджера находятся яркие персонажи проявления вышеописанного: актер-профессионал (в книге это Ланты) «плох» потому, что он понимает, что хорошо играет. И видно, что он хороший актер, и видно, что он это понимает, и из этого выходит взаимный конфликт – нивелируется вся ценность личности. Музыкант (Эрни) «плох» потому, что он настолько хорошо играет, что играет уже не для того, чтобы играть хорошо, а чтобы понравиться публике. И бездумная, а чаще всего вульгарная, публика превращает его из талантливой музыканта в циркача, который все сделает в угоду молчаливой, обезличенной толпы. У Хосе Ортеги-и-Гассета это звучит так: «Но для нынешних дней характерно, что вульгарные, мещанские души, сознающие свою посредственность, смело заявляют свое право на вульгарность, и причем повсюду» [5]. Конечно, в этом контексте хорошо прослеживаются мощные ростки «Смерти искусства», которые прорастут с постмодерным «недержанием» –

буквально через двадцать лет. Но в благодатной почве души главного героя эти ростки уже пустили свои ядовитые корни, чтобы через тридцать лет Дж. Фаулз написал: «Ныне стало важнее форма, но не содержание – как наиболее шокирующе преподнести в угоду зрителю <читай толпе>, и в ущерб смыслу» [10]. Однако это реминисценция, обусловленная разнообразным однообразием персонажей. Особо подчеркнем – в облачной реальности таким индивидуальным проявлениям «тени молчаливого большинства» отвечает транспозиция индивида в социальных сетях, форумах, блогах и пр. – множественная идентичность, которая, в конечном счете, часто сводится к симуляции индивидуальности – симулякру Я в пространстве гиперреального. «Симуляция – это уже не симуляция территории, референтного сущего, субстанции. Она – порождение моделей, реального без первопричины и без реальности: гиперреального» [2].

Возвращаясь к анализу интенций Колфилда, отметим – проблема не в смыслоориентирующих факторах, но в непринятии «фальшивой» социальности. Реальности, в которой пускает свои первые ростки симуляция социального. Всего не искреннего, фальшивого, не естественного – по сути своей «симулякров». Социальная детерминированность крайне тяготит главного героя. Он стоит на пути социализации – принятия правил той социальной среды, культурно-политических фактов, в которых он оказался волей стечения обстоятельств.

Остановим здесь особое внимание на концептах «обстоятельства» и «принятие правил». Принятие правил, в контексте общего вопроса нашего рассмотрения – это интенция «виртуальной социализации». Непринятие жестких условий социальной детерминации обыденной жизни находит свое воплощение в виртуальной социализации в социальных сетях (репрезентация, представление, конструирование). Виртуальная реальность в своей многоликости предоставляет индивиду выбор (а точнее было бы сказать способ «потребления реальности» в наиболее комфортном проявлении) формы социализации, идентификации индивида. Что не в малой степени позволяет в игровой форме трансформировать идентичность под потребности социального, взаимно детерминируя этот процесс с социальными тенденциями в сетевых коммуникациях. В таком ракурсе мозаичное Я детерминирует, маркирует себя путем выбора себя как товара в супермаркете. Практики себя в современности (йога, танцы и пр.) трансформируются в выбор своей идентичности как товара, исходя из нужды текущего момента. Флуктуирующая идентичность Б. Хюбнера в ситуации бес-смысленности существования Я за пределами смысла и целей, но в фокусе потребления пустоты Я. Переживание жизни как потребления товара, когда объектом потребления в вихре потока потребительского сумасшествия оказывается Я-индивида, либо же трансцендентные ценности. На этот аспект обращает внимание Мишель Уэльбек в «Жизнь как супермаркет». Не устроила одна жена – как товар в супермаркете, выбирается другая. Не подходит или фрустрирует «смысл жизни», из этой логики так же смысл выбирается/потребляется, как товар в супермаркете, – в блестящей, яркой упаковке, удобный для потребления, безопасный для жизни и здоровья, но пустой, гипер-симулированный, сводящий жизнь к ничтожению, а реальность (голую жизнь, вот-бытие) к виртуальности, как месту бегства и замещения иного локуса, маркированного тяготами жизни и всякого рода негативностями. Переход от этики к эстетике – переход от Другого к самоидентичности.

С иных позиций ситуацию Колфилда в контексте текущей современности можно представить в виде бес-смысленной ситуации времени, которую обозначает Бенно Хюбнер. Так, процесс социализации, идентификацию можно рассмотреть как путь становления сопричастности некоему большому СМЫСЛУ, большому чем «Я», делегирования части своей индивидуальной автономии ГЕТЕРОНОМНОМУ (Обществу, Социуму, Государству, Семье). Побуждающим мотивом выступает тут, согласно Хюбнеру, метафизическая нуждаемость человека, где собственные потребности и решения негативностей проецируются вовне и вытесняются, образуя тем самым внешний, обязывающий гетерономный смысл. В ситуации же современности – снятии гетерономности в автономности – индивид, в процессе идентификации, приходит к тому, что ожидания уже не оправдываются, ибо низвергнутая гетерономность не способна компенсировать превратности бытия-здесь-и-сейчас, и не осуществляет функции экзистенциальной разгрузки. Именно в эту ситуацию попадает Колфилд. Однако в облачной реальности процесс разгрузки от негативностей жизни нашел свою компенсаторную функцию в процессе потребления (консюмеризм информации, товаров, эмоций, событий), бегства из ситуации вот-бытия, присутствия, голой жизнью.

Обозначенный выше анализ ситуации, в которой находится Колфилд, позволяет нам утверждать, что главный герой выступает неким прообразом процессов социальной виртуализации. Общая ситуация времени, в которую погружен персонаж, латентно подготавливает почву для становления виртуальной реальности, взаимообуславливая социальные факторы, которые из единичности личной травмы преобразуются в подготовку социальной почвы для «общества виртуализации», где тенденция перерастает в процесс, реальное интегрируется с виртуальным, образуя облачную реальность, а социальность – в облачный социум.

Предчувствуя эту ситуацию, Х. Ортега-и-Гассет говорит о возможной, потенциальной жизни, жизнь как то, чем мы можем или могли бы стать. В современности воплощением такой жизни стала виртуальная реальность. И особо стоит подчеркнуть – это процесс виртуализации, который находится в стадии становления. Однако Ортега-и-Гассет подчеркивает хотя и очевидный, но от этого не менее важный факт, что наша жизнь – это выбор, решение между возможностями в пользу того, что мы выбираем и осуществляем на деле. Ярко, репрезентабельно процесс «решения» маркирован у Ж. Делеза. В его терминологии этот процесс можно назвать «актуализацией», а разветвляющиеся возможности (виртуализацию) – «дифференциацией» [3]. У Ортеги-и-Гассета это проявляется в более четкой позиции двух элементов, из которых складывается жизнь – обстоятельства и решения. «Обстоятельства, иначе говоря, возможности – это данная нам часть нашей жизни, независимая от нас; это то, что мы называем нашим миром. Жизнь не выбирает себе мира; она протекает в мире уже установленном, неизменяемом. Наш мир – это элемент фатальной необходимости в нашей жизни. Но эта фатальность не механична, не абсолютна» [5]. Таким образом, фатальность обстоятельств обуславливает неизбежность принимаемых решений. В такой капкан попадает Колфилд. И можно сказать, что это является одной из составляющих фрустрирующей реальности – снятие и вытеснение находит свое воплощение в виртуальной реальности. Однако сам Ортега-и-Гассет принимает более сильную

жизненную позицию, утверждая: «Итак, неверно, будто в жизни "все решают обстоятельства". Наоборот, обстоятельства – это дилемма, каждый раз новая, которую мы должны решать. И решает ее наш характер» [5]. Личный выбор, обусловленный идентичностью индивида, – вот конституирующая составляющая бытия-в-мире для Я. Тем самым философ делает ударение скорее в пользу этического выбора и ответственного решения, нежели бегства под давлением обстоятельств. В этом смысле виртуальное пространство выступает благодатной почвой для вытесняемых бессознательных процессов.

Какое семантическое наполнение можно отследить в произведении Сэлинджера, проводя параллели, расшифровывая аллегории и сопоставляя с облачной реальностью? «Рожь» мы готовы рассматривать как некую зону комфортного, знакомого, некое социальное устройство, в котором находится индивид, где все более-менее понятно. Ростки этих посевов выросли из детства и уже дали свои плоды. Это поле известного, данного, комфортного, поле соглашений и компромиссов. Пространство социализации, общности. Или, в духе Бенно Хюбнера, – локус Смысла. По своей сути это пространство дает простор каждому и никому – обезличивая, сводя к «многим среди многих» – полю. Отсюда основную манеру поведения Колфилда, можно, пожалуй, оценить не как бунт, но как социальную девиацию. Причем в своей достаточно естественной форме. Обобщая, можно сказать, что всякий подросток стоит в некоторый момент своей жизни «над пропастью во ржи» – на пути от социальной индетерминации к очерчиванию своих социальных пределов. Своего рода это первый зов «метафизической нуждаемости» индивида. Это напрямую связано с процессом индивидуализации – персонификацией (как процессом социальной индивидуализации). Выражаясь более грубо – это социальная дефлорация индивида – становление персоны. Этот процесс проходит по-разному: у кого-то без крови, кто-то вообще не переживает его как значимый. Его не переживают только «ауты» – это просто обусловлено их психикой (яркий трагический пример имел место в декабре 2012 года в США, штат Коннектикут, где были расстреляны в начальной школе дети). Всякий другой – в той или иной мере – вынужден это пройти, пережить. Индивидуальность накладывает на сам процесс социализации свой отпечаток, в зависимости от особенностей Я-индивида. Тем не менее, обращает на себя внимание тенденция связанная с тем, что виртуальная реальность способствует в значительной мере «компенсированию» негативности переживаний, как пространство аккумуляции фрустраций и реинкарнации бессознательных фантазий. В этом контексте облачная реальность обладает тенденцией интегрирования процесса идентификации обыденной жизни и виртуальной.

Стоит все же отметить тонкий момент: процесс социализации – это процесс, который можно моделировать на разных его участках, в том числе – «до результата». Дж. Сэлинджер как раз и представляет жизнь Колфилда как процесс без результата. Ничего не сказано в названии ни о том, что было «до» или «после», но зато сказано только о том, что «сейчас».

Взывает к вниманию слово «пропасть». В оригинальном названии, переводящемся дословно как «Ловец во ржи», его нет; в тексте же оно появляется, когда герой рассказывает о своей мечте стать тем, кто ловит маленьких детей, бегающих у самой пропасти во ржи. Как мы отметили выше, наш герой – не

Раскольников и посему звать к Сартру и Камю, Ясперсу или Кьеркегору тут не стоит. Главный герой не зывает к ничто, стоя перед пропастью своего существования, нет. Его «пропасть» - пропасть неизведанного, неизвестного, непредзаданного социально-индивидуального. Пребывая в процессе от индетерминации к социальной персонификации. Процесс, во всей широте и неопределенности Я, – «поля ржи», полного возможностей и мечтаний, как и юность в самом лучшем своем представлении – перед определенностью, ригидностью, «определиванием» себя, индивидуального Я. Да, в чем-то происходит измена себе, ибо выстраивание границ и принятие неких правил накладывает отпечаток на необузданность варварства. На этот аспект указывает и Б. Хюбнер, настаивая на том, что флуктуирующая идентичность обречена в условиях текучей современности постоянно изменять себе [12]. Ловец своего Я, индивидуальности, к чему фактически косвенно зывает, на наш взгляд, название в английском оригинале («The Catcher in the Rye»). Развивая позицию Б. Хюбнера, можно сказать, что современная флуктуирующая идентичность конституируема изменой себе, перманентной и в этом смысле устойчивой. Идентичность, которая собирается из множества раздробленных мозаичных фрагментов, «флуктуирующая», «текущая темпорально» и интегрируемая в своей целокупной истории жизни, сводя процесс идентификации по факту к метанаррации Я. История, повествуемая жизнью, в которой Я уже пребывает в ситуации между, всякий раз Я-иное по отношению к Я-прежнему, отвечающему вызовам времени и утратившему иллюзии стабильности Я. Идентичность как процесс, за гранью которого подлинное Я утеряно и зияет пустота Ничто. Неопределимая, неартикулируемая вне категорий «что» бытия, но предельно остро чувствуемая в пограничных ситуации жизни, когда вот-бытие в своём присутствии заявляет о себе в полный голос, если не сказать, что кричит.

Во избежание драматизации ситуации акцентируем внимание, что у Колфилда не все так плохо, и процесс его далеко не «клинический». Почему? Как отмечалось ранее, процесс социализации проходит всю жизнь, и индивид социально и культурно в значительной мере детерминирован. Однако неприятие других, протест против другой индивидуальности (насколько бы неиндивидуальна она не была) приводит Колфилда к оценочным суждениям, фундирование реальности ярлыками «ломака», «пошлятина», «подонок» и др. Чем не отказ от Я и вытеснения его через проецирование? Процесс развенчания идеального Я, идеального мира и представлений, гиперболизируемых в юности, – болезненный, что ярко показано в метаниях главного героя, в стремлении убежать из насиженного места (прежнего Я, которое все тяжелее вынести, в каком бы месте ты не был). Разгрузка происходит в таком случае в состоянии постоянного пути, Я-индивида в процессе, Я в пути, Я изменчивом. Иначе, если это не находит выхода в «процессе текучести Я», в своей неосознанности этот процесс находит выражение в агрессии, распутстве (в произведении это Стрэдлейтер), жизни напоказ (сценки из Бродвея). Каков же этический заряд блужданий Колфилда? Блуждание по бесконечному полю «того же самого», нависая «над пропастью во ржи» – в какой-то момент индивид вынужден будет пройти этот путь. И важно не то, каков будет результат (он с некоторой долей достоверности известен), важен процесс. Процесс, в котором из персоны может родиться Личность. В немалой мере это актуально и в облачной реальности, где с

позиций текущей современности, сам процесс становления текущей идентичности фактически неуловим, а Я-индивида из подлинности бытия все чаще обнаруживается «во ржи» симуляции.

В процессе разворачивания истории «Над пропастью во ржи» кажется, что главный герой настолько погряз в непроходимом омуте безличия и однообразия «во ржи», что уж более никогда не стать ему личностью (или хотя бы иметь таковой шанс). Но Сэлинджер милосердно дает читателю ту самую хайдеггеровскую путеводную нить, посредством которой через существование проступает бытие: перчатка со стихами и трогательное воспоминание об истории её возникновения. Игра в шашки с Джейн на веранде под дождем. Беседа в умывалке и восторженные воспоминания о том, что «она не переворачивала дамки»... или позже «ведь самое главное – что она не переворачивала дамки». Эпизоды с сестрой... Бездушная жестянка достаточно ранима. И хотя Колфилд всячески хочет быть уже взрослым, трогательная наивность ещё не сделала из него слепок, социальную маску. Не уничтожила в нем ту уникальность, которую персонификация способна нивелировать, свести к ничто, образуя статую бездушного индивида – социально адаптированного «многого среди многих». Проводя параллели с виртуальной реальностью стоит отметить, что в данном контексте процесс социальной адаптации сводится к множественности стратегий в безграничном пространстве сетевых коммуникаций. Где маска-Я, за которой проступает Я-индивида, порой сводится к фарсу, Я-играющему, где игра становится жизнью, а в качестве голой жизни выступает облачная реальность.

В какой момент к человеку приходит социальная маска? В какой момент жонглирование масками хоронит индивида за Персонажами? Когда окостеневает, цементируется персоне, загоняя на задворки «пропасти во ржи» детскую непосредственность, юношескую непокорность? Когда за этой маской уже не проступает Я, но проступает персоне – «Вот такой вот Я». Манеры, жесты, голос, жизненные истории, события. Социальные правила приняты. И чем больше они подчинены бюрократически-властным отношениям, тем неизбежнее наступление финала, и скоростное вылепливание атрофированной Персоны.

В сетевых коммуникация маска виртуального Я стала слепком вытесняемого социального Я-индивида в реальной жизни. Под множеством масок текущей мозаичной идентичности более не проступает лик Я, но зияет пустота. Это одна из столь привлекательных граней виртуальной реальности – Я-становящееся, иное в каждый момент времени. Где многообразие Я способно интегрироваться в облачной структуре реальности в единый образ Я, который становится слепком индивида – его персонификацией в сети. «Зоопарком дома ужасов» выступают социальные сети, интегрируя сетевое Я и идентифицируя его с вполне реальным Я, пребывающем по ту сторону монитора, в реальной жизни.

Маска-Я, маска-Оно, за которыми уже не прочесть лик Иного, вызывающего к бесконечному Другому. Вот в этом ракурсе и оказывается, что Другой выступает в своем Лике за границу существования человека в целом, на что обращал внимание Э. Левинас [4]. Именно поэтому М. Бубер сопоставлял Оно с Богом (Другого – с вечным, бесконечным, непостижимым, столь привлекательным, но отчаянно трансцендентным). Тогда как Б. Хюбнер через полвека уже настаивает на бессмысленности существования, связывая его с утратой больших смыслов,

проецируемых в трансценденции, Другом. Вот почему в этическом пути Раскольников проступает лик «Другого» – того, кто через обновление своего Я готов открыть свой лик, пред лицом всей пропасти своего существования, оказываясь в пограничной ситуации существования вообще. И наказание, как одна из форм покаяния в христианстве – это, в конечном счете, слияние в бесконечности с Другим (с Богом), на чем перманентно акцентирует внимание Ф.М. Достоевский. Покаяние – зывание к Иному. Искупление – слияние с Другим, познание Лика Другого. Вне всякого сомнения, этот процесс завершается только одним – окончанием существования (как конечной точкой слияния с Другим, растворения своего Я-в-мире). Отсюда и тема любви и смерти. Вот, пожалуй, почему Другой глубоко экзистенциален. Так, зывая к Иному, мы вопрошаем со всей своей безысходностью об экзистенции своего Я. Путеводной же нитью является – поступок (или, в терминологии Ортеги-и-Гассета, решение, Делеза – актуализация).

Итак, через поступок (акт, действие, решение, актуализацию линии дифференциации) проступает существование, которое и определяет бытие как таковое. И этический поступок, рождающий человека (реанимирующий субъекта), который поднимается над самим собой, погибая в Другом и возрождаясь в Сверх-Я (сверхчеловеке Ф. Ницше), в том самом Аристосе – человеке, который поднялся над собой и другими в благородстве развития своей души [9]. В этом процессе длительность, олицетворенная в темпоральности, сводится к бесконечному становлению и, в своей бесконечности, к слиянию с Другим – через которого и проступает Лик подлинности, истинности Бытия и существования в целом. Да, Хайдеггер об этом не говорит, но настойчиво зывает в своем молчаливом вопросе, который проступает весьма недвусмысленно сквозь Dasein, присутствие, давая голос бытию, сквозь которое немой укоризной проступает Ничто, вне всякой «чтойности», но во всей полноте Присутствия. У А. Камю – бунт индивида зывает к безразличной трансценденции, к вечно глухому Ничто, сквозь пелену непостижимости лик Того самого ни в коей мере не хочет проявлять себя. И именно через поступок этическая диспозиция «хорошо»-«плохо» сводится к «есть», бесконечному проступанию: «истинного», «подлинного», «явственного», «трансцендентного», «почившего в бесконечности длительности», «эйдоса» – Другого. В нем все зарождается, в нем же и находит завершение. Вот та самая необозримая пропасть индивидуального, преступить за границы которой индивиду из «поля ржи» – непосильная задача. И только зывая, вопрошая, настойчиво и твердо, ответственно и стойко, терпеливо и нежно – именно тогда проступает Лик истины «существования», и именно тогда отступит от нас на полшага «Град обреченный» Стругацких.

Тот самый «град обреченный», который в современности нашел свое воплощение в облачных технологиях виртуальной реальности, все настойчивее опрокидывающейся в «облачную реальность».

«Над пропастью во ржи» зывает к Ничто, вопрошая о Существовании. И вывод который мы делаем – из этого «Ничто» ответить нам может только Другой, проступающий по ту сторону Ничто, невозможного, не существующего, не предзаданного, из бытия Другого – Ничто, Смерти, которая в своей бесконечной конечности – Любовь Другого.

Список литературы

1. Агамбен Д. Номо сасег. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. М. : Европа, 2011. – 256 с.
2. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодріяр ; [пер. з фр. В. Ховкун]. – К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 230 с.
3. Делез Ж. Бергсонизм / Ж. Делез // Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза ; [пер. с фр.] / Ж. Делез. – М., 2001. – С. 229–324.
4. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Э. Левинас ; [пер. с фр. И. Вдовина, Б. Дубин, Н. Маньковская]. – СПб. : Университетская книга ; М. : Культурная инициатива, 2000. – 415 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ, 2008. – 352 с.
6. Salinger J. The Catcher in the Rye / J. Salinger. – Little, Brown and Company, 1991.– 224 p. Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи / Д. Сэлинджер ; [пер. с англ. Р. Райт-Ковалева]. М. : Эксмо, 2008. – 336 с.
7. Уханов Е.В. Нарцисс как Другой (последний герой виртуальной реальности) / Е. В. Уханов // Вісн. Харк. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. – 2008. – № 854. : Сер. : Філософія. Філософські перипетії – С. 62–72.
8. Уханов Е.В. Облачная идентификация в сетевых коммуникациях / Е. В. Уханов // Вісн. Харк. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. – 2012. – № 854. : Сер. : Філософія. Філософські перипетії – С. 62–72.
9. Fowles J. The Aristos / J. Fowles. – Picador, 1993. – 224 p. Фаулз Дж. Аристос / Лж. Фаулз ; [пер. с англ. И. Бессмертная]. – М. : АСТ, 2008. – 352 с.
10. Fowles J. The Ebony Tower / J. Fawles. – Vintage, 2006. – 304 p. Фаулз Дж. Башня из черного дерева / Лж. Фаулз ; [пер. с англ. И. Бессмертная]. – М. : АСТ, 2008. – 448 с.
11. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер ; [пер. В. Бибахин]. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
12. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Б. Хюбнер. – Мн. : Экономпресс. 2006. – 384 с.

Уханов Е.В. Інший у хмарній реальності: семантична ретроспектива «Над прірвою у житті» Дж. Селінджера // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 235–245.

У статті акцентовано увагу на змінах семантичної уяви Іншого крізь призму віртуалізації соціальної реальності та домінуючих тенденцій хмарних трансформацій мережових комунікацій. Окреслюються паралелі між твором Дж. Селінджера «Над прірвою у житті» та тематизацією взаємодіюсин Я-Інший в віртуальній реальності.

Ключові слова: хмара, ідентичність, віртуальна реальність, мережові комунікації

Ukhanov E.V. Other in the cloud reality: semantic retrospection of the novel by J. Salinger's “The Catcher in the Rye” // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014.– Vol. 27 (66). – № 1-2. – P. 235–245.

The article's attention is accented on transformation of the semantic vision of the Other through the prism of the virtual reality and the prevailing trend of cloud transformation of the network communications. Parallels between the novel by J. Salinger's «The Catcher in the Rye» and theming I-Other relationship in the virtual reality are drawn. We consider a specifics of individual personalization in the cloud reality. We stress the problem identification of the individual in the network communications through the prism of virtual socialization. Particular emphasis is placed on parallels of the problems of socialization and identity in the novel «The Catcher in the Rye» and the trends that have a place in the cloud reality. Attention is accented on the fact that the process of personalization in network communication is inherently linked to the phenomenon of «crisis communications». In this context, the article is focused on the problems of the Other in the cloud reality as a dominant rehabilitation of «The Subject» in the network communications

and on overcoming social and communicative processes socialization current crisis in the communicative practices of the individual implemented in the cloud reality. The idea that the process of socialization of the novel's protagonist is a harbinger of virtual socialization processes and corresponding situation of the current time - «the flowing present» is substantiated.

Key words: Cloud, identity, virtual reality, network communications